Когда занятия закончились, я пошла в редко используемый кем-либо двор и села на скамейку, чтобы обдумать свой следующий шаг.

— В моём теперешнем состоянии возвращаться домой – плохая идея.

— Верно. Но и оставаться здесь тоже нельзя. Я уверен, что кто-то уже сообщил Арнольду о твоём местонахождении. Если ты останешься тут надолго, кто-нибудь из поместья может прийти и спросить, почему ты не возвращаешься домой.

— Это правда.

— А что, если мы пока спрячемся у Дюка?

— Что?

Мы ведь не помолвлены, так что спрятаться у Дюка должно быть очевидным "нет", верно?

Гиллес продолжает с серьёзным выражением лица:

— Так как мы говорим о Дюке, он, вероятно, уже выяснил твоё нынешнее положение… К тому же, в конце концов, тебе придётся обручиться с ним, Алисия. Ты ведь это знаешь, верно?

— Я не собираюсь с ним обручаться.

— …Не думаю, что ты сможешь избегать этого вечно, – тихо шепчет Гиллес.

…Я не смогу избежать этого?

Если это говорит Гиллес, то у меня такое чувство, что это действительно невозможно.

— Алисия! – зовёт меня знакомый голос..

Я оборачиваюсь, но прежде чем успеваю увидеть лицо человека, его руки уже обнимают меня.

Сердечное воссоединение, которое я ожидала бы после всех этих лет!.. Хотя формально он уже видел меня в столовой.

Угх. Но это гораздо более неприятно, чем я ожидала. У него слишком сильные руки.

— ...Ум, Генри, мне больно, – еле выговариваю я, и, к счастью, он немного ослабляет хватку.

Хм? Мы всё ещё обнимаемся? Разве уже не хватит?

— Я был сильно удивлён, когда увидел тебя чуть раньше, – признаётся Генри, всё ещё крепко обнимая меня. По его обьятиям я могу сказать, как сильно он, должно быть, беспокоился за меня в течение последних двух лет.

Положив руки мне на плечи, он медленно отстраняется, чтобы получше рассмотреть моё лицо. И я тоже внимательно смотрю на него... Он, кажется, стал выше, чем я его помню? Я тоже стала немного выше, так что это означает, что Генри, должно быть, сильно вырос.

— Ты подросла, – замечает Генри, вторя моим мыслям. И говоря это, он нежно взъерошивает мои волосы.

— Ты так сильно беспокоился обо мне?

— Разумеется. Ты была заперта в этой хижине совсем одна! Хотя, по сравнению с тем, как волновался Дюк, я вообще практически не волновался.

— Дюк? Он так сильно беспокоился обо мне?

К моему удивлению, мой голос немного громче, чем это было необходимо.

Он не показывал никаких признаков этого в те два раза, когда я видела его сегодня. Я имею в виду, Дюк даже не обнял меня или что-то в этом роде...

— Я думаю, что именно он больше всего беспокоился о тебе.

Если подумать, то, когда я впервые увидела его в лесу за Академией, он казался спокойным, но при этом дышал немного тяжело, а его волосы выглядели слегка растрёпанными... Неужели он бежал всю дорогу?..

В то время я была слишком удивлена его внезапным появлением, чтобы заметить это, и я была слишком удивлена появлением Мэл, чтобы размышлять слишком глубоко о чем-либо ещё.

— Но в любом случае, Аля, ты слышала, какие слухи ходят о тебе? Они сумасшедшие!

— Да, я их слышала.

— И чтобы избавиться от них, Дюк...

— Избавиться от них?!

— Эй-эй. Выслушай до конца, хорошо? Чтобы избавиться от слухов, как ты думаешь, что Дюк сделал с теми парнями, которые ходили повсюду и ругали тебя?

...Погодите-ка, он меня спрашивает? Откуда мне знать?.. Но, ну, Дюк довольно добрый человек, поэтому я уверена, что он не сделал им ничего слишком жёсткого.

— Он на какое-то время отстранил их от занятий?

Услышав мой ответ, Генри фыркает от смеха.

— Было бы здорово, если бы он сделал лишь это.

— Алисия, ты, наверное, единственная, кто считает Дюка хорошим человеком. Он холоден ко всем, кроме тех, кому доверяет. Ему было наплевать на всех остальных. Так что, если эти ничтожные жуки начнут ругать девушку, в которую он влюблён, это не закончится простым отстранением. Самое меньшее, что он может сделать, – это добиться, чтобы их навсегда исключили из Академии, – бесстрастно вставляет Гиллес.

Почему-то кажется, что он лучше меня понимает характер Дюка.

— Дюк – холодный человек? Это довольно неожиданно.

— Неужели? Когда я впервые увидел Дюка, мне показалось, что у меня на спине появился лёд, – говорит Генри, содрогаясь.

— Потому что он был слишком красив? – спрашиваю я.

Генри слегка улыбается.

— Ну, конечно, он был красив… но дело было не в этом. Хотя он был всего лишь ребёнком, как и все мы, выражение его лица было удивительно зрелым. Он не чувствовал себя ребёнком. Как будто к нам подошёл маленький взрослый. И дело было не только в этом. Уже тогда его глаза были ледяными. Когда я их увидел, мне показалось, что я смотрю на ледник.

Хм-м, когда я впервые встретила его, он совсем не казался таким.

— Но, Генри, разве вы не друзья?

— Да, наверное. Но прошла целая вечность, прежде чем он соизволил заговорить с нами.

— Но ведь он больше не дружит с Альбертом и остальными "лакеями" Лиз Кэтер, верно? Казалось, он едва удосужился им ответить, когда они заговорили с ним напрямую, – отмечает Гиллес.

— Да, они уже не так близки. Но Дюк уже взрослый, поэтому не позволяет своей враждебности так легко отразиться на своём лице. Хотя, когда он слышит, как они ругают тебя, он ничего не может с собой поделать. Иногда мне кажется, что он собирается их убить.

— Но Дюк ничего не говорит? Он просто сидит и слушает, как они говорят о ней гадости?

— Нет, он…

— Погоди, а что же тогда было с теми, кто плохо обо мне отзывался? – спрашиваю я, словно вдруг вспомнив, что Генри не давал на этот счёт ответа.

…Ах. Я всё испортила. Мне же было любопытно, почему Дюк ничего не говорит, когда мои братья и их друзья плохо говорят обо мне.

— Ох. Двое из них погибли. И после этого, я думаю, никто больше не осмеливался говорить о тебе что-то плохое в присутствии Дюка, – отвечает Генри немного тише.

http://tl.rulate.ru/book/39408/1334330